

РАССКАЗЫ

МАТЬ МОЯ — ЖЕНЩИНА!

— Мать моя — женщина! — любил повторять мой папа, когда находился в добром расположении духа. Сколько я помню, он всегда улыбался. Мама говорила, что папино лицо похоже на противный смеющийся череп. Не беда! Я проходил период детской влюбленности в отца, полного обожания и почти религиозного почитания его образа.

Папе нравилось, когда я вослед за ним повторял:

— Мать моя — женщина!

На этой мысли папа всегда заливался хохотом.

В четыре года я впервые рефреном произнес самую смешную фразу из тех, которые услышал в своей короткой жизни. В тот же момент больно и обидно получил от мамы по губам.

Случилось это холодным осенним вечером. Тогда папа долго не возвращался с работы. Мама уложила меня спать в бабушкиной комнате. Я не любил оставаться в одиночестве, постоянно просил открыть дверь в коридор, из которого падал тусклый свет. Он создавал на потолке загадочные тени, напоминавшие облака и африканских животных. Я вглядывался в них, бормотал, фантазировал до тех пор, пока не засыпал. Бабушка работала в детском саду ночной няней, два раза в неделю я спал на ее кровати с синим полосатым матрасом и ватным одеялом. Рядом стояла немецкая магнитола, вдоль стены — шкаф и швейная машинка. Мама по вечерам включала радио. Оно что-то утешительно мурлыкало, а я подражал дикторам, их красивым и смешным голосам. Также меня увлекал процесс кручения ручки настройки. Видимо тогда я по-детски крепко полюбил радио. Свою первую радиопередачу я придумал в бабушкиной комнате. Назвалась она — концерт по заявкам «Лешины песни». Хит-парад открывал шлягер «Я на солнышке лежу».

Я пел сразу за львенка и за черепаху. Вторая песня — про мальчика Джельсомино — посвящалась Италии. В ней певец перечислял сказочное изобилие в далеком солнечном краю:

— Там, где зреют апельсины, и лимоны, и маслины...

Дальше южный мальчик пел:

— Фиги и так далее!

Я показывал слушателям двумя руками фиги и для убедительности тряс ими в воздухе. Конфигурации получались особенно изящными, если в конструкции использовать еще и мизинец. Вот такая вам Италия! Папа просил меня песню про фиги и мальчика исполнять на бис. Бабушка при этом краснела и выходила из комнаты.

Алексей Александрович Пирогов родился в 1969 году в Ленинграде. Получил высшее медицинское образование, а также степень магистра искусств в области межкультурных исследований. Журналист, автор радиопередач и сценариев. Член Санкт-Петербургского творческого Союза журналистов, с 2019 года является членом Общественной наблюдательной комиссии за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. В настоящее время занимается медицинской и научно-преподавательской деятельностью. Публиковался в научных журналах (СПбГУ, РХГА), русскоязычном журнале «Чайка» (США). Живет в Санкт-Петербурге.

Днем я забирался под швейную машинку, где меня долго никто не находил.

«Зингером» пользовались редко. Она, как и собрание сочинений Максима Горького, принадлежала прабабушке Пелагее. Между шитьем и чтением баба Поля усердно молилась на старинную икону, которая куда-то пропала сразу после ее смерти.

В старом шкафу, между чистыми простынями и колготками неизменно лежали кулочки мыла в нарядных обертках. Мне казалось, что оно припасено для какого-то славного праздника. Руки ими в семье никто не мыл. Я еле сдерживал желание откусить кусочек этого иностранного лакомства. Мне казалось, что его берегут для какого-то праздника и обязательно подадут на стол дорогим гостям. К их приходу готовилась и песня про фи́ги.

В тот тревожный вечер отец где-то пропадал. Я ждал его и никак не мог заснуть. Три раза попросил у матери пить, в конце концов она открыла заварной чайник и прокричала:

— Может, хватит надо мной издеваться? Ты весь чай уже вылакал!

Тогда я понял, что мама не в духе или не хочет мне ничего объяснять. Отец всегда целовал меня на ночь и шептал своим хриплым голосом:

— Завтра я принесу тебе...

Весь день я ждал этого момента. Свое слово папа неизменно исполнял.

Приходя домой с работы, он первым делом доставал из серой спортивной сумки обещанный подарок.

Иногда это был переливной календарик или значок с крокодилом Геной, металлический фонарик, а чаще — конфеты. Мои заказы исполнялись на следующий день! Я — самый счастливый мальчик на свете!

Но больше всего я ждал шоколадку «Три богатыря». Стоила она непомерно дорого и призывно смотрела на меня с прилавка в кондитерском отделе. Я подолгу стоял и разглядывал конных богатырей, находившихся на уровне моего лица. Их мужественные фигуры внушали мне уверенность, хотелось стать одним из них, лучшим — похожим на самого молодого. Мне казалось, что именно он из этой троицы никогда не умрет. В фильмах про войну показывали, что самые молодые в бою всегда выживали. Позже я узнал, что богатыря зовут Алеша Попович. Тезку в боях не ранили и не убили. Это меня радовало.

Не знаю, за какие заслуги дети обретали гигантские шоколадки. Мне их почему-то никогда не дарили. Признаюсь, что та, с богатырями, мне нравилась только за картинку. Я хотел ее вырезать и приклеить на стену. И смотреть, наслаждаться, брать пример...

Один раз вечером я получил в подарок от папы набор оловянных солдатиков. Суровые матросы серого цвета лежали в картонной коробочке с изображением революционного корабля. Один из них левой рукой тащил пулемет, в правой держал какой-то ящик.

Мама взглянула на подарок и строго заметила отцу:

— Если бы ты столько зарплаты домой приносил!

Он весело засмеялся. Наверное, у папы была получка.

В тот ноябрьский день папа пришел поздно. Я выбежал к дверям. На пороге уже стояла мама.

— Фашист и пьяница!

Она с размаху ударила его по щеке рукой с кроваво-красным маникюром.

— Почему фашист? — изумился отец и закрыл ладонями лицо. — Раиса, я не фашист!

Ноготь сломался, мать свирепо завизжала, я заплакал. Отец продолжал растерянно топтаться в дверях. Под мышкой он сжимал какой-то кулек, который мать схватила

и тут же обрушила на его голову. Тогда я понял, что это цветы. Она хлестала его упругими ветвями, приговаривая:

— Вон уходи, садист!

Отец больше не прикрывался. По его лицу, словно капельки дождя, бежали слезы.

Он только повторял:

— Раиса! Прости! Раиса, я домой пришел. Сейчас спать лягу!

Мать перешла на визг:

— Убирайся, фашист!

Она решительно толкнула его за дверь. Веник полетел следом. Я торопливо подобрал головки хризантем с пола. Они напоминали мне маленьких детей осьминогов из мультфильма про пап, случайно оставшихся без мам с детишками на морском дне.

Пахло водкой. Этот запах я знал, как и то, что пьют ее только фашисты и садисты.

В дверь опять позвонили.

Мать резко открыла, я выглядывал из-за нее.

— Садист и пьяница принес сыну в подарок шоколадку! Отдам и уйду! — с улыбкой тихо произнес папа.

— Вон пошел, скотина! — ответила мать и толкнула его в грудь.

Шоколадка выпала из папиной руки и оказалась на пороге.

— Больше я терпеть не буду! — орала мама, судорожно запирая дверь на все замки.

— Мать моя — женщина! — повторил я и тут же от внезапного удара маминой ладони отлетел к дверям бабушкиной комнаты, шлепнулся на пол и зарыдал.

С обертки шоколадки на меня удивленно смотрел богатырь Алеша Попович.

С тех пор отец дома не ночевал, а я стал бояться микробов и постоянно мыть руки. Мое стремление к чистоте доктор назвал неврозом. Картинку трех богатырей я наклеил над своей кроватью на пластилин. Тогда же я твердо решил, что когда вырасту, то у меня обязательно будет трое детей-мальчиков.

Папа потом часто звонил по телефону, но мама почему-то не разрешала с ним разговаривать. Сама брала трубку, прикрывала ее рукой, что-то быстро отвечала и вешала. Потом она долго стояла у окна и молчала.

Весной приехал мамин друг — дядя Женя-подводник. Он носил красивую черную форму с золотыми веточками и погонами. Больше всего мне нравилась его шапка с якорем. Мама сказала, что у него еще какой-то острый ножик, называется кортик. Я просил, но он мне его так и не показал. Вечером пришли гости, мамины друзья и подруги. Они носили светлые короткие платья, ленты в волосах, курили и обнимались. Радовались, что мама и дядя Женя познакомились в какой-то северной командировке. Потом настроили проигрыватель, стали танцевать. С пластинки протяжно запел мужчина с бакенбардами: «Ухуху Ху, Ухуху Ху, Ухуху Ху...» Все подпевали и раскачивались, а я слов не знал и начал прыгать.

— Какой Леша уже большой! Так на Сашу похож! — вдруг сказала какая-то девушка с острыми белыми коленками. Она погладила меня по голове и поцеловала.

Мама нахмурилась, поджала губы и показала мне глазами на выход:

— Ему уже давно спать пора! Марш!

Я неохотно поплелся в свою комнату. Мне хотелось потанцевать, а еще больше — зарыться головой в распущенные волосы доброй девушки и сидеть там никем не замеченным. Еще хотелось спеть всем про львенка и черепаху, а если гости попросят — про Джельсомино и коричневую пуговку, что валялась на дороге. Конечно, душистое мыло приготовили для них! И съедят его без меня!

На кухне я допил за всеми ароматный сок из хрустальных фужеров и рюмок, потом, не раздеваясь, заснул на полу возле бабушкиной кровати.

Не знаю, когда ушли веселые друзья. Утром дядя Женя вышел завтракать, мама еще спала.

— Кортик покажешь? — попросил я.

— Нельзя. Он острый, — засмеялся дядя Женя.

— Тогда морскую шапку подари! — она манила меня своим изяществом.

— Это пилотка подводника, с крабом. Тебе — зачем?

— Богатырем буду, как Алеша Попович, маму защищать! — уверенно ответил я.

— Понятно, тогда — можно! — ухмыльнулся дядя Женя и нахлобучил на меня пилотку.

Через неделю он уехал.

Бабушка сделала предположение, что дядя Женя мне пилотку не подарил, а когда вернется — обязательно заберет. Еще она сказала, что он в своей черной форме похож на настоящего фашиста.

«Как мой папа, — подумал я. — Наверное, они друзья».

Больше я его никогда не видел. Пилотка долго источала приятный запах одеколона. Я ложился, накрывал ей лицо и вспоминал любимых фашистов: дядю Женю и папу.

Ранней весной мы с бабушкой поехали отдыхать на Азовское море в Жданов, а мама — в командировку.

Мы получали от нее невеселые письма про холод и посылки с дефицитным голландским сыром.

Во дворе мальчишки называли меня кацапом. Позже я узнал, что это значительно лучше, чем жид. Кацапов в нашем доме было двое — я и бабушка. Остальные — хохлы и греки. Так они себя сами называли. Хрущевку населяли моряки и их семьи. Город портовый, двоюродный дед, бабушкин брат Петр, капитан первого ранга, работал преподавателем в мореходном училище. Он жил по соседству, возле рынка, в маленьком частном доме. Когда мы шли вместе, матросы, издали завидев фуражку и китель, переходили на строевой шаг, вытягивали головы и отдавали деду честь. У меня от радости в этот момент даже мурашки бегали по коже. Я хотел, чтобы нам по дороге на встречу попало как можно больше матросов.

Первое, что дед Петя сделал, — показал мне море.

На пляже приятно пахло йодом, бочком бегали крабики, а в воде я увидел настоящую камбалу и стайки рыбок-бычков. С тех пор море стало моим любимым увлечением. Я мог подолгу сидеть на берегу, рассматривать корабли и лодки. Когда-нибудь, мечтал я, мы с папой, дядей Женей и дедушкой Петей захватим корабль и станем пиратами. Мама и бабушка будут плакать на берегу. На то они и женщины!

В то лето все дети во дворе играли в «Семнадцать мгновений весны». По телевизору только прошел этот сериал, и началась штирлицомания. Мальчик Микола Кубась всем распределил роли. Сам он стал русским разведчиком. Вскоре появился Мюллер, нашелся Борман, назначили целый десяток фашистов.

Микола долго думал, кем будет Леша-кацап, и наконец решил:

— Ты будешь — пастор Шлак!

Все мальчишки засмеялись.

Видно, пастор — это тот, кто всех в жизни веселил.

Микола приказал мне:

— Мы на войну! Шлак, сиди в горах и жди, пока придет Штирлиц!

Я долго думал, что на войне должен делать скучный пастор Шлак. Мне хотелось нападать, изображать фашиста, участвовать в допросах Штирлица, но мальчишки меня на войнушку не брали.

— Фашистов у нас и так много! — безапелляционно отрезал Кубась.

Пацан я удался рослый, и вскоре на меня обратила внимание рыжеволосая сверстница Марина:

— Кто твой папа? Моряк?

Ее лицо, покрытое веснушками, выражало стоическое спокойствие и южную печаль.

— Мы с братом ваши соседи, — продолжала девочка. — Можешь с нами дружить! Приходи к нам играть в больницу!

Вскоре я познакомился с ее младшим братом Русланом. Он постоянно сосал что-то сладкое, рассматривая мир веселыми разноцветными глазами. Правый — синий, левый — зеленый. Весь двор над ним смеялся. Любопытно ведь бесплатно посмотреть на чудо природы! Папу Руслана и Марины никто никогда не видел, зато маму Валю знали все. Они жили вдвоем в двушке на первом этаже. В проходной комнате на видном месте красовался диван, на котором спали Марина с братом. Вторая комната — Валина, выходила единственным окном во двор. В ней стояла только железная кровать с высокими гнутыми спинками. На ней спала мама Руслана и Марины. Каждую ночь в Валино окно забирались матросы. Утром они таким же образом выходили. Жильцов дома это особо не беспокоило. Валя казалась женщиной веселой и общительной.

Иногда появлялся милиционер в красивой серой форме. Он заходил к Вале через дверь, в окно ему лазать не полагалось.

Мама Валя — высокая загорелая женщина с большой грудью и рыжими волосами — не отличалась многословием. Все ее речи состояли из пары фраз на суржике и неизменно начинались с протяжного «Тю...».

— Тю... какой худой и бледный хлопчик! — это про меня.

— Тю... Дуся, не дождуся! — ответ на соседский укоризненный взгляд.

— Тю... байда! — непереводимое, обычно — по поводу слухов и сплетен.

Валя мне сразу понравилась тем, что усадила со своими детьми за стол есть крошку. За этим занятием меня и застала бабушка. Когда она зашла, я доедал вторую порцию. Марина приготовила мне и брату по пластику жевательной резинки с утенком Дональдом. Подарки ночью оставили матросы, которые, как мне Марина объяснила, ходили в загранку. Все, кто ходил в загранку, имели красивые вещи, музыкальные пластинки и жвачки со вкладышами. Марина также продемонстрировала пробковый шлем и мешочек смеха. Тряхнешь, он, чуть помедлив, задумывался и затем издавал похожий на кашель надсадный хохот. Пробковый шлем принадлежал англичанину, который однажды заходил в гости к маме.

Валя утешила мою бабулю тем, что с порога заявила, указывая на нас с Мариной:

— Тю... жених и невеста!

С тех пор мы дружили. Я даже свылся с мыслью, что Марина — моя будущая жена. Мы с ней решили, что в старости обязательно поженимся.

В конце лета неожиданно приехала мама. Она купила на Хитром рынке кружевную панамку и сарафан с красными маками. Валя сделала маме маникюр, подстригла и покрасила волосы чем-то белым.

— Тю... «сессун»! — назвала Валя свою парикмахерскую работу.

Следом приехал и папа. Наверное, чувствовал, какая мама на юге стала красивая. Он привез с собой скрипучие нейлоновые рубашки, соломенную ковбойскую шляпу и отличное настроение. Мне подарили матросскую форму и черный игрушечный автомат с красной стрелой-присоской.

Утром мы отправились на пляж, а вечером отметили приезд на море. Валя организовала званый ужин. Оказывается, появление в Жданове моего папы совпало с ее днем рождения. Хозяйка сидела во главе стола, приодетая в глубокое декольте, на веснушчатый груди красовалась золотая цепочка с крестом. Марина и Русик молчаливо поедали помидорный салат. На кухне возвышался приторно-сахарный торт с розовы-

ми цветами из масла. Пахло селедкой под шубой, водкой и едким папиным одеколоном. Все шутили, смеялись, и мама казалась совсем молодой. Кто-то даже сравнил ее с иностранкой.

На юге быстро темнеет. Шумной толпой мы вышли во двор, где по вечерам на лавочках под диким виноградом собирались соседи полужгать семечки и обсудить последние сплетни. Папа в своей белой рубашке и широкополой шляпе выглядел весьма эффектно. Он рассказывал соседям анекдоты про грузина, Ленина, Крупскую и что-то — про инженера, зарплату и Петьку. Я даже не заметил, когда и откуда к нам подошли два незнакомых рослых парня. Один назвал Валу по имени, другой взял за руку и резко дернул по направлению входа в парадную. Прозвучало незнакомое мне шипящее слово.

Валя вырвала руку и отрицательно качнула головой: «Тю...»

После этого она сплюнула шелуху семечек прямо под ноги парням. Один из них достал папиросы, протянул товарищу, повернулся к отцу и, прищурившись, вызывающе повторил звонкое слово.

Он кивнул в сторону Вали и похабно осклабился.

Мне показалось, что папа достал зажигалку и привычным движением протянул парням. Мама неистово закричала. Парень споткнулся и упал головой об асфальт. Второй схватил отца за рубашку и попытался повалить на скамейку. Пуговицы полетели в разные стороны, брызнула кровь, посыпались стекла.

— Фашисты! — Мама орала так истошно, что соседи вызвали милицию.

Папу скрутили и увезли на желтом уазике в душную липкую ночь.

Вскоре Валя, я и всхлипывающая мама отправились в отделение на поиски задержанного. Возле двухэтажного здания с решетками на окнах стояли патрульные машины, курили два милиционера.

— Тю... я бабю наших пацанив! — бодро заявила Валя.

Пацаны ее заметили и приветливо помахали рукой.

— Раиса, дай три рубля! — Валя зажала зеленую купюру в руке и, покачивая бедра, направилась к милиционерам. Они еще недолго постояли на улице, о чем-то разговаривая, потом скрылись в отделении. Мама рванулась за Валею, но та резко махнула рукой: стой на месте!

Вскоре на улицу вышел мой избитый и поцарапанный папа. За ним, прихрамывая, ковыляла Валя.

— Тю... ногу с вами стерла, — она скинула босоножку и принялась растирать стопу.

Я завороченно смотрел то на папу, то на Валины ногти с красным педикюром. В фоновом свете они напоминали запекшиеся капли крови.

То ли от радости, то ли от испуга я внезапно громко продекламировал:

— Мать моя — женщина! А я буду как богатырь Алеша Попович!

Все засмеялись. Отец прижал меня к себе, а Валя заметила:

— Тю... я — тоже женщина! А папа твой — настоящий мужчина!

ВЛЮБЛЕННЫЕ ВАМПИРЫ

С Глебастиком мы подружились в пионерском лагере, куда нас родители отправили в год советской Олимпиады. Всю весну какая-то вражеская мразь усердно распространяла слухи, что подлые заезжие иностранные туристы обязательно занесут советским детям заразу или угостят жвачкой с бритвами и отравленными иголками. В начале лета школьников в спешном порядке развезли на автобусах из душного города по оздоровительным лагерям и лесным дачам. Нас с Глебастиком

родители предупредительно эвакуировали от вражеских туристов подальше от дома — на Карельский перешеек.

— Сосновый воздух тут чистый и климат мягче, не зря у фашиста Маннергейма здесь дача была, — пояснила моя бабушка, махнув рукой куда-то в сторону Цвелодубова. Я бабушке всегда верил. Финский барон в плохом месте поселиться не мог, гордость не позволяла. Из окна своей дачи он, наверное, надменно смотрел на осажденный Ленинград.

На высоком берегу неширокой реки Рошкинki располагался пионерский лагерь с провокационным названием «Огонек». Он безраздельно принадлежал какому-то богатому военному морскому заводу, не знавшему отбоя от оборонных заказов. Могучие крейсера и линкоры исправно сходили со стапелей его верфей, гордо бороздили чужие моря и океаны, пугали врагов ядерными ракетами и помогали развивающимся странам уверенно следовать в фарватере социализма. Доходы от пожара мировой революции умело вкладывались в сезонное оздоровление пионеров и школьников. Три кирпичных корпуса и деревянные хозблоки располагались прямо в прозрачном сосновом лесу, напоминавшем парк, только без развлекательных аттракционов. К зданию администрации мимо бронзового памятника орлу вела мрачная черная асфальтная дорожка. О трудолюбивых финнах, изгнанных с этих мест в военные сороковые годы, напоминали контрольно-пропускной пункт в виде карельского домика — шалаша, сиротливые гранитные фундаменты в лесу да ржавые дырявые каски, в изобилии валявшиеся вдоль шоссе. Каменному памятнику-орлу неизвестные шутники по воскресеньям под хвост клали куриные яйца, что выдавали детям в столовой на завтрак. Шутка повторялась годами и уже казалась местной традицией.

Нельзя сказать, что дети маялись от скуки, но настоящих друзей стоило поискать. Они на лесной дороге не валялись!

Глебастик сразу покори́л меня незатейливым талантом народного скульптора. Он умел лепить из разноцветного пластилина смешных человечков с огромными закрытыми глазами и ладонями, напоминавшими варежки.

Возможно, этот брутальный мужской образ был навеян дискотекой, которая случалась в пионерлагере дважды в неделю, обычно — в выходные. В то лето пользовались популярностью две музыкальные группы: «Бони М» и «Чингисхан». Навязчивые мотивы увлекали своей простотой, а предательские тексты мы учили наизусть. Никто в пионерском лагере не понимал немецкий, но слова песни про столицу нашей Родины все же быстро переделали на местный лад. Мы становились в круг, неторопливо переминались с ноги на ногу в вязком ритуальном танце и хором подпевали за «Чингисханом»:

Москоу, Москоу
закидаем бомбами!
Будет вам Олимпиада!
Охо-хохо-хо!
На осколках кирпича
Будем танцевать...

В полутьме зала мы с Глебастиком всегда пытались вырваться из общего бодро топающего круга и занять место рядом с грудастыми девочками из старших отрядов. Ни одна высокомерно не соглашалась с нами потанцевать. Как только мы становились напротив, то сразу фыркали и убегали даже страшненькие, кривоногие, конопатые и очкастые. Нами откровенно пренебрегали!

Глебастик отличался невысоким ростом, напоминал безбородого гнома, в любую погоду носил серый шерстяной свитер, который связала мама, и дурацкую детскую кеп-

ку с пластиковым козырьком и выцветшими олимпийскими кольцами. Неказистый образ дополняли густой бас и черные очки, которыми он добирал взрослой солидности. Наша парочка у девочек почему-то вызывала стойкое равнодушное отвращение. На нас не смотрели, на шутки даже не улыбались, нам не назначали свиданий. Никаких шансов пригласить на медленный танец симпатичную девочку Асю в обтягивающем фигуру прозрачном платье не предвиделось. Дискотека, словно магнит, притягивала к себе пионеров. Она напоминала древнее ритуальное языческое священнодействие и по популярности уступала только общелагерному костру, который разжигали раз в смену. Девочки танцевать приходили в веночках из цветов и трав, мальчики закатывали рукава клетчатых рубашек, обнажая загорелые руки, в моде были белые и вельветовые штаны.

Дискотечный репертуар все знали наизусть. Как только начинала звучать музыка вступления хита про Распутина, публика уже подхватывала любимую песню, хором орала ее слова:

При дворе российского царя жил Распутин-поп,
он не тратил время зря. День и час Распутина пробил,
он царевну-мать в своей спальне соблазнил!

Дальше шел наглейший припев, на котором подростки весело подпрыгивали и, взявшись за руки, распевали:

Роу, Роу, Распутин, больше секса для мужчин!

Песня гремела, рвалась и бухала из всех динамиков. Немецкая энергия советского пионерского бала на берегу Рощинки вызывала у местных дачников злобное раздражение. Иногда они подходили к забору и жалобно просили сделать музыку потише. Их мольбам в лагере не внимали. Вирусные песни повторялись десятки раз. Немецкие слова хрипели в сонной дачной тиши и разрывались, словно фугасные снаряды. Возгласы напоминали военные команды и фильмы про фашистов, партизан, млеко и яйца.

Однажды мешковатый неопрятный мальчик в старых пластмассовых очках с говорящей фамилией Козлов в самый патетический момент дискотеки тонким голосом громко и дерзко крикнул: «Свободу сексу!» Танцующие весело, одобрительно зашумели, захлопали в ладони, лозунг пошел гулять в массы. В текстах дискотечных песен слов про половой вопрос не имелось, но всем вдруг чертовски захотелось их расслышать и дерзко повторить вслух, как бесенок Козлов. Энергетический заряд, словно молния, уже зажигал ревущие от страсти пионерские массы. Неизвестно, чей голос услышал прежде в своей душонке недобрый мальчик с липкими ладонями и кто вложил в его лукавые уста inferнальный слоган, но воспитанниками лагеря провокационный клич оказался мгновенно подхвачен. Человек ведь состоит не только из плоти, даже если он юный пионер и не верит ни в каких злобных бесов и вампиров, охотящихся за невинными душами. Летние дни в лагере внезапно полетели по новой, неизвестной подросткам, опасной и дерзкой траектории, густо запахло дымом сексуальной революции. Вожатые в этот динамичный процесс предпочитали не вмешиваться. Старшие дети поделились на любовные парочки, младшие разбились на группы по интересам. Лагерь зажил по взрослым законам. Лето внезапно стало пространством прощания с детством.

Посовещавшись, мы с Глебастиком организовали совместную творческую мастерскую по производству пластилиновых уродцев. Я стал единственным учеником и подмастерьем Глебастика. Носы своим творениям мы по замыслу автора вытягивали наподобие буратиных и причудливо изгибали. Старик Фрейд истолковал бы это как фаллические символы. Мы — юные творцы, таким мелочам не придавали никакого значения! Изделия напоминали вампиров и долго оставались безымянными. Потом, с моей лег-

кой руки, их стали называть — шершеляфамчики. В то лето в моде были французские фильмы, и мы с Глебастиком выучили по несколько полезных крылатых фраз, предвзвременно, узнав их значение у пионервожатого.

Французский девиз тайного общества вампиров «Ищите женщину!» интриговал и завораживал. Он звучал загадочно и таинственно и вместе с тем героически.

Пластилиновые влюбленные вампиры, по нашему замыслу, разыскивали одиноких девочек, втыкались в них носами и выпивали кровь. Это придавало шершеляфамчикам уникальную способность к левитации. Наши творения обретали магическое дарование летать! Кровавая любовь к девушкам окрыляла смелых пластилиновых вампиров! Подвиги уродцев теперь в глазах девушек приобретали высший смысл и вечную значимость. За кровавыми укусами следовали восхитительные любовные полеты.

Вскоре мы наладили творческое производство шершеляфамчиков. Когда носатых уродцев скопилось достаточно, мы организовывали в лесу увлекательный аттракцион. Глебастик собирал толпу любопытных детей и от имени главного уродца-шершеляфамчика леденящим душу басом объявлял:

— Назначена дата полета влюбленного вампира в космос! Космонавт напился крови и теперь рискует жизнью! Каждый второй погибнет и не вернется!

Я заранее готовил очередь из пластилиновых пилотов. Дети подолгу рассматривали наши изделия, обсуждали и делали ставки. Мы принимали конфеты, этикетки, вкладывая от жевательной резинки и прочую мелочь. Затем Глебастик демонстрировал публике громадную сосновую палку-ракету, к которой я плотно прикреплял одного из шершеляфамчиков. Получалось, что влюбленный уродец старательно обнимал пластилиновыми руками и ногами свой летательный аппарат. Дети дружно начинали отсчет:

— Десять! Девять! Восемь! Семь!.. Ноль! Пуск!

Раскрученная юной рукой дубинка резко взлетала в воздух и исчезала в сосновом лесу, унося пилота навстречу славе во имя кровавой любви.

Пионеры гурьбой с гиканьем бросались искать героя. Чаще всего пластилиновый уродец лежал, привязанный к палке, но без головы и конечностей. Иногда мы быстро находили палку, но пилот на ней отсутствовал. Побеждал тот, кто находил своего шершеляфамчика целым и на ракете. Это случалось редко. Любовь калечила и ранила своих адептов. Большинство космонавтов разбивались и трагически погибали. Некоторые даже пропадали без вести. Судьба летучих вампиров и характер повреждений становились предметом коллективного обсуждения и долгих споров.

Девочки иногда плакали, мальчики сурово вздыхали. Возможно, здесь зарождалось робкое стремление к научному опыту, совместному открытию и личному постижению экзистенциальных смыслов. Аттракцион вызывал неистовый восторг лагерной публики. Среди зрителей все чаще появлялись красивые девочки. Одна из них тихо и незаметно для окружающих прошептала, что у меня выразительные глаза, а другая уверенно похвалила голос Глебастика. Дружище и правда, в отличие от моего тенора, обладал густым и, как теперь оказалось, сексуальным басом. Мы с Глебастиком быстро стали героями пионерлагеря и с тех пор везде ходили вместе, как Королев и Гагарин. Я уверовал в счастливую звезду жертвенной любви. Глебастик не только научил меня лепить пластилиновых космонавтов, но самое главное — не бояться эксперимента и восторженной публики.

Даже с завязанными глазами я и сегодня смогу слепить смешного пластилинового вампира. Он тихо усядется напротив и расскажет дивную историю про теплое лето, влюбленных пионеров и ласковых девочек, а потом взлетит ввысь и погибнет. Ради вас он потеряет пластилиновые руки и ноги, а может, даже и голову с длинным любопытным носом! Разве любовь — это не смертельно опасный эксперимент?

Не бойтесь укуса шершеляфамчика!